

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

СЕРИАЛ «ДЕТЕКТИВНЫЙ ТРИУМВИРАТ»

Лучшие уходят первыми

Убийца манекенов

Бородавки святого Джона

Шаги по воде

Лев с ножом в сердце

Свой ключ от чужой двери

СЕРИАЛ «ДИКИЕ ЛЕБЕДИ»

Магия имени

Голос ангельских труб

Танец на тлеющих углях

Поджигательница звезд

*Инна
Баргинская*

Магия имени

ЭКСМО

Москва

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 32

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Бачинская И. Ю.

Б 32 Магия имени : роман / Инна Бачинская. — М. :
Эксмо, 2013. — 320 с.

ISBN 978-5-699-67924-9

Инга с трудом удерживала каменно-тяжелое тело Тамирисы и пятилась к двери, понимая: случилось непоправимое... Тамириса выскользнула из рук Инги и упала на пол, глухо стукнувшись о выщербленную половицу. Она лежала неподвижно, подогнув под себя руки, как большая нелепая кукла. Инга рванулась из кладовки, с ужасом захлопнув за собой дверь. Она промчалась по саду и, укрывшись под деревом, дрожащей рукой набрала номер Шибаева. Услышав его голос, она чуть не зарыдала от облегчения: «Забери меня отсюда»...

Шибаев гнал машину, выбирая пустынные улицы подальше от центра города. В Посадовке он был через двадцать четыре минуты после звонка Инги. Отгоняя дурные предчувствия, он побежал к деревьям. Там никого не оказалось... Шибаев стал звать Ингу, почти зная — все напрасно, не желая верить, что произошло страшное и непредвиденное...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Бачинская И.Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67924-9

Движущая сила Небес непо-
стижима. Она сгибает и рас-
правляет, расправляет и сгиба-
ет. Она играет героями и лома-
ет богатырей...

Конфуций

Все действующие лица и со-
бытия романа вымышлены,
любое сходство их с реальными
лицами и событиями абсолют-
но случайно.

Автор

Птицы пролетные!
И вы обратились в сумрак
Весеннего вечера.

Бопте (? – 1714)

Пролог

Около полуночи повалил обильный липкий снег с до-
ждем. Казалось, зима, спохватившись и мучительно
содрогаясь, пытается удержаться под порывами теплых
южных ветров. Разверзлись хляби небесные, и гигант-
ские тяжелые хлопья снега устремились с белесого неба
вниз, накрывая размокшую землю, озера черной талой
воды и серые длинные острова прошлогодней травы,
похожие на спины прячущихся там доисторических жи-
вотных.

Фары медленно двигающегося автомобиля упирались в мельтешащую снежную стену, колеса буксовали в размокшей грязи, машину заносило. Человек за рулем, подавшись вперед, напряженно, до боли в глазах, пытался разглядеть, что впереди, проклиная себя за опрометчивое решение сократить путь и свернуть с окружного шоссе на узкую разбитую дорогу, где если застрянешь, то до утра. Он был за рулем со вчерашнего дня, измотан до предела и голоден — не желая тратить времени на длительную остановку, около трех дня он на ходу перехватил кофе в какой-то дорожной забегаловке, нарушив данное себе слово не отправляться в путь на пустой желудок. Он спешил домой, где его ожидали молодая жена и двухмесячный ребенок, смешной мальчик Коля, и представлял себе свой теплый дом, обед, закутанный в старое одеяло, и горячий душ. Он представлял, как жена, стоя у окна, с беспокойством вглядывается в ночь, и лицо у нее испуганное и печальное. Он считал часы, оставшиеся до дома, и в нетерпении уже у самого города свернул на эту чертову дорогу, проехать по которой под силу лишь танку. Он сжимал руль так сильно, что побелели костяшки пальцев, не замечая, как шепчет, подбадривая машину: «Ну давай, выручай... ну еще чуть-чуть, родная, давай, моя хорошая, моя ласточка, умница... мы доедем, осталось совсем ничего... черт бы побрал эту погоду, весна называется, потонуть можно, пробьемся, уже скоро... скоро...»

Машина продвигалась вперед рывками, натужно ревели мотором, словно жалуясь. Мужчина включил радио,

но разухабистый мотив вызывал раздражение и отвлекал, и он выключил его, продолжая разговаривать со своим автомобилем, как с живым существом, обещая, что вот-вот они поднимутся на пригорок, там грунт потверже, и оттуда до дома рукой подать, а там...

Ему показалось, что ослепительно-белая огромная птица, взмахнув крыльями, упала сверху и ударилась в ветровое стекло, и от того места, в которое пришелся удар, тотчас же с легким треском побежала в стороны паутина трещин, затягивая его серебристым инеем. Птица скользнула по радиатору и исчезла так быстро, что водитель не успел ее рассмотреть. Он вдавил до предела педаль тормоза, сила инерции бросила его вперед, и он ощутил боль в груди от удерживающего его привязного ремня. В середине ветрового стекла зияла небольшая дыра с зубчатыми, испачканными красным, краями. Струя ледяного воздуха с силой устремилась в нее. Он почувствовал, как острые кусочки льда впились ему в щеки, лоб, подбородок, инстинктивно зажмурился и отшатнулся. Когда он открыл глаза, смутно надеясь, что ему приснился страшный сон и ничего этого не было, дыра в стекле зияла прямо перед ним по-прежнему и походила на вход в преисподнюю. Мотор уже не гудел, жалуясь, а работал мерно и негромко, и он услышал тяжелое шуршание снега снаружи.

Двигаясь как автомат и слабо представляя, что же теперь будет, водитель поставил машину на ручник и отстегнул ремень безопасности. Помедлив, открыл дверцу, неловко вывалился в белую мутную пелену и тут же по-

чувствовал, что оглох и ослеп, цепкие холодные лапы снега больно сжали его лицо. Порыв ветра едва не сбил с ног. Держась за машину, он побрел почти по колено в ледяной воде на свет фар. Он ничего не видел, а только чувствовал бешено крутящееся вокруг снежное варево. Обогнув машину, он опустил на колени и принялся шарить руками вокруг, вряд ли отдавая себе отчет в том, что он делает, и не чувствуя ничего, кроме пронизывающего холода ледяного крошева под ногами. Перед глазами стоял ослепительный взмах белых крыльев.

Наконец он нащупал онемевшими руками под колесами что-то тяжелое и неподвижное и потянул на себя. Он тянул и тянул, ничего не видя, и ему казалось, что никогда еще за всю его жизнь ему не было так безнадежно и тоскливо, как в эти бесконечные минуты. Когда вытащил то, что принял за белую птицу, в круг света от фар, он понял, что это – женщина. Полураздетая, босая, с разбитым в кровь лицом.

Мужчина стоял на коленях, рассматривая женщину, неизвестно каким образом появившуюся ночью в этом слепящем аду, вдали от человеческого жилья. Он посмотрел вверх, словно ожидая получить ответ, но не увидел там ничего, кроме мутной белесости. Он с трудом поднялся, держа ее на руках, и осторожно пустился в обратный путь. Когда он открыл дверцу, то сообразил, что ему следовало обойти машину со стороны пассажирского места. Он опустил женщину на водительское сиденье. Она сложилась, как деревянная кукла на шарнирах – голова

запрокинулась, плечи поникли, руки безвольно упали на колени. Мокрые волосы облепили шею и плечи.

Он видел ее тонкую голубоватую шею с родинкой, узкие запястья, острые колени. Через мокрую ткань рубашки просвечивали темные соски. Пугающе неподвижная, холодная и мокрая, она полулежала на сиденье, и казалось, жизнь вытекает из нее по капле... если в ней оставалась еще хоть капля этой самой жизни.

Ему так и не удалось передвинуть ее на пассажирское сиденье, и он примостился рядом, чувствуя ледяной холод ее тела. Чтобы избавиться от озноба, он включил печку. Теплый воздух с мягким шелестом ударил ему в лицо. Умный и послушный механический зверь, живущий в моторе, работал равномерно и уверенно, и эта уверенность постепенно передалась водителю. Он нажал на акселератор, и автомобиль, вздрогнув, мягко тронулся с места...

Глава 1

Встреча

Он бежал за кем-то, кто мчался далеко впереди, бухая тяжелыми подкованными сапогами, мелькая черным коротким бушлатом, сворачивая за неожиданно вырастающие из ниоткуда острые углы, поджидал Шибаева в темных провалах и щелях, целился из пистолета с удлиненным стволом, нажимал на курок, после чего из дула с грохотом извергались красное пламя и черное облако дыма, а он, делая рывок в сторону, пытался уйти от пули. Дуло смотрело ему прямо в лицо, и он всеми фибрами души ощущал холод вороненого металла у себя над переносицей, в том месте, куда этот подонок влепит пулю... вот сейчас... сию минуту... бах! Грохот выстрела, огонь и дым... еще один выстрел... вслед за ним еще и еще! Он рывком сел на постели, чувствуя испарину на спине, сунул руку под подушку, нащупал холодный металл, подумав мимоходом, что есть предметы, которые даже в самую большую жару остаются холодными. Револьвер послушно лег в ладонь. Он взвел курок. Щелчок получился оглушительно громким. Прислушался. Было тихо

и очень темно. Уличный фонарь разбили местные подростки еще неделю назад. Просто так, от скуки.

Едва серел прямоугольник окна, значит, сейчас не больше трех. Храпел сосед Колян за стеной, снова пришел поддатый, гонял свою половину – совсем отбился от рук, сволочь, перестал бояться. Еще немного – и полезет бить морду. Мерно капал кран, тикал будильник, плоский сухой треск – тик-так, тик-так. Звуки были родными и успокаивали. И когда он совсем уже было пришел в себя, грохот, раздавшийся из кухни, заставил его слететь с кровати, больно вдавиться в стену плечом и замереть на секунду, затем в два прыжка преодолеть расстояние до кухонной двери, рывком распахнуть ее ногой и заорать страшным голосом: «Руки!»

Шибает ожидал вспышки выстрела в ответ, но ничего не произошло. Капал кран, в котором он никак не собирается поменять прокладки. Тянуло сквознячком. Он завел левую руку за спину, нащупал выключатель. Свет полумертвой лампочки залил кухню, осветил страшный беспорядок, какие-то коробки, полиэтиленовые мешки, разбитую фарфоровую чашку на полу в луже темной жидкости, горы немытой посуды не только в мойке, но и на столе и сидящего на нем громадного рыжего кота, который неприветливо смотрел на него, оторвавшись от малоаппетитной снеди в консервной жестянке. Форточка слегка покачивалась и скрипела, показывая, откуда появился зверь. Кот вернулся к жестянке и стал так старательно вылизывать ее, сунув внутрь морду, что она, как живая, толчками продвигалась к краю стола

и наконец свалилась, произведя знакомый уже грохот. Кот удивился и вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что стало с банкой. При виде усилий голодного животного хозяин почувствовал угрызения совести, так как прекрасно знал, что такое пустой желудок. Подошел ближе и слегка щелкнул по круглой кошачьей башке. Тут же отдернул оцарапанную руку, пробормотав: «Да что ж ты, гад, делаешь? А если я тебя?» Потянул дверцу холодильника, достал сверток с колбасой. Кот издал громкое мурлыканье, спрыгнул на пол, задрал хвост и побежал к своей давно не мытой миске, стоявшей у двери. Оглянулся на хозяина и сипло мяукнул. «Шевелись!» — было написано на его разбойничьей морде.

Кота звали Шпана, и был он настоящим мужиком, драчуном и ловеласом. Левое ухо у него было разорвано и напоминало перо экзотической птицы, широкий нос — в боевых шрамах, характер он имел нордический — сильный и независимый. Он уходил и приходил, когда хотел, вспрыгивая на широкий карниз дома, оттуда на козырек над подъездом, потом на перила соседского балкона, а потом в родную форточку, открытую и зимой, и летом. Пока кот с аппетитом поедал колбасу, хозяин его, Александр Шибаев, с отвращением рассматривал кухонный интерьер, ночью при свете дохлой лампочки казавшийся еще гаже, и в который раз давал себе обещание немедленно вынести вон ненужный хлам, в первую очередь бутылки, помыть посуду, полить пыльный кактус, неизвестно откуда взявшийся и прозябавший на окне с незапамятных времен, и протереть пол. «Не может

нормальный человек жить в таком... такой среде», — думал Шибаев, попадая в смысловую ловушку, так как сразу же вслед за первой появлялась вторая мысль: «А кто здесь нормальный? Разве может называться нормальным человек, который: первое — с трудом себя содержит, зарабатывая гроши, второе — не имеет будущего, так как, третье, ничего из того, чем можно заработать, он делать не умеет». Кухонная среда отражала реальную действительность, от нее на душе делалось еще омерзительнее.

Спать уже не хотелось, тянуло сесть и задуматься о смысле жизни. Общеизвестно, что ночью хорошо думается и разные философские мысли лезут в голову. Он уселся на табуретку и стал внимательно наблюдать за котом, размышляя при этом, что Шпане нужно совсем немного — улица с друзьями и подругами, еда и угол дивана с мягкой подушкой, чтобы сделать его довольным жизнью. Он не беспокоится о завтрашнем дне, видимо, полагая, что если Бог даст день, то он также позаботится и о пище, имея в виду пищу материальную, а никак не духовную. Шпана — естественный прагматик, постигший смысл жизни: живи, радуйся и молись, чтобы не стало хуже. Хотя последнее, пожалуй, лишнее. Не стал бы Шпана молиться, даже если б мог. Не тот характер.

Кот, не подозревая, что его персона вызывает такой пристальный интерес, неторопливо доел колбасу, вылизал миску так, что и мыть не надо, и, умиротворенный, подошел к хозяину. Толкнул боком в ногу, потерся головой о колено, что значило «спасибо». «А поцарапал меня кто?» — спросил Шибаев. «Мр-р-р, — ответил кот, — какие

счета между своими?» И отправился в комнату на диван, а Шибаев уже в который раз задумался о смысле жизни, чувствуя себя глупым сыном мельника, которому достался в наследство умный кот.

«А ведь Шпане все равно, что я собой представляю, — подумал он вдруг. — Ему наплевать на то, что я коррумпированный мент, и на то, что меня вычистили из конторы за взятки, хотя какие там взятки, но, с другой стороны, это еще хуже — ведь если красть, так миллион. А иначе не прожить, все берут».

«Э нет, постойте, Александр Николаевич, — одернул он себя, — что же это получается? Все крадут, берут взятки, обманывают ближнего, колотят жен, упиваются в хлам, убивают друг друга! Значит, можно оправдать любое свинство тем, что все так делают? И между ним, капитаном полиции с высшим образованием и будущим, которое осталось в прошлом, и старлеем Суньковым, который сшибает рубли у торговки на вокзале, нет принципиальной разницы? Выходит, нет. С точки зрения диалектики. И сколько угодно можно жаловаться на судьбу в виде черномазого лоточника, который сунул ему, а он взял. И добро бы хоть продался за нормальную сумму, а то как дешевая шляха...» Шибаеву самому было непонятно, что хуже: то, что он взял так мало, или то, что он взял вообще. Да нет, конечно, все ему было понятно. Он вспомнил взгляд своего начальника, полковника Баскова, когда тот вызвал его, своего любимчика Сашку Шибаева, и сказал ему... вмазал коротко и по-мужски, одним словом. «Из-за таких, как вы...» — сказал Басков. На «вы».

Хорошо хоть до суда не дошло, комиссовали его по здоровью из-за старого ранения, а то припухал бы сейчас зэк Шибаетов на нарах на радость разномастному преступному элементу. И поминай как звали! Был Александр Шибаетов и весь вышел! Какой смысл в подобном витке судьбы? Если бы не экс-супруга, позвонившая и сказавшая...

Бывшая жена Вера — неплохой человек, но какой-то безрадостный. Все у всех всегда лучше, чем у нее, — и одежда, и мужья, и квартиры, о чем она часто сообщала Шибаетову. Потом у нее случилась большая любовь на почве кризиса среднего возраста.

— Рано вроде, — только и сказал Шибаетов, когда она поделилась с ним своими сожалениями, что жизнь проходит, а она никогда еще не была за границей, нет у нее ни одного вечернего туалета от Ива Сен-Лорана или хотя бы от Славы Зайцева, и бриллиантов тоже нет, а новый возлюбленный, будучи человеком состоятельным, чем-то там торговал (а значит, был ворюгой, как подсказывало Шибаетову классовое чутье), обещал, что все у нее будет...

— Что, например? — поинтересовался Шибаетов.

— Все! Как у всех! Он меня любит! — ответила гордо Вера.

Расстались они почти дружески, жаль только сына — хороший пацанчик растет. Так вот, позвонила Вера и заявила, что ребенку нужен компьютер.

— Славик, конечно, даст деньги, — сказала она. Славику звали нового мужа. — Но ведь у мальчика есть отец!